

Дмитрий ДЕ КОШКО:

«Мы живем в реалиях тотальной
и непрекращающейся информационной войны
атлантистов против России»

Интервью французского журналиста и общественного деятеля

Дмитрия Борисовича де Кошко

журналу Focus

– Дмитрий Борисович, в настоящее время вы являетесь одним из немногих журналистов на Западе и тем более во Франции, кто откровенно и прямо поднимает такие неудобные темы, как русофобия и информационная война, которую крупнейшие мировые СМИ ведут против России. За это злые языки называют вас агентом Путина и утверждают, что вы отрабатываете специальное задание Кремля по созданию во Франции другого – позитивного – образа российского президента. Скажите, пожалуйста, как специалист, хорошо разбирающийся в нынешних информационных технологиях, неужели прием по дискредитации целой страны через шельмование ее первого лица по-прежнему дает наилучший пропагандистский

эффект – гораздо более действенный, чем, скажем, высмеивание каких-то черт национального характера?

– По большому счету в информационных войнах мало что изменилось по сути, кроме их технологического оснащения. Один из основных и отработанных приемов таких войн, причем прием в общем-то довольно обычный, – идентифицировать всю страну с ее лидером, которого предварительно надо как следует ошельмовать. Этот прием блестяще описан у Оруэлла в его антиутопии «1984». Американцы постоянно пользуются подобным приемом. Наглядный пример – как они поступили с Саддамом Хусейном. Или – еще раньше – с панамским диктатором Норьегой, недавно скончавшимся. Сначала Норьега, как и в свое время Сомоса, был «их

сукиным сыном», а потом вдруг в одночасье – когда они перестали в нем нуждаться – превратился, как говорится, в pineapple face, или ананасовое лицо. И такие двойные стандарты никому не мешают, к ним все уже привыкли и воспринимают как должное, потому что признают за американцами право объявлять, кто хороший, а кто плохой. И это подкрепляется всей мощью американской пропагандистской машины и в том числе Голливудом. Россия в этом смысле серьезно отстает от Америки.

– В плане ведения пропаганды на весь мир?

– В плане ведения глубокой и всесторонне проработанной пропаганды, построенной на последовательном внедрении в массовое сознание определенных ценностей. Американцы четко сформулировали свой культурный бэкгра-

унд, который коммерчески привлекателен, он очень хорошо повсюду продается по вполне доступной цене. А в основе этого бэкграунда – обожаемый повсеместно в мире американский об-

раз жизни. Конечно, не бедных американцев, которых всё-таки немало. И поэтому понятно, что именно американцам решать – где добро, а где зло. Добро, естественно, всегда на их стороне.

Американская информационная политика, тот мейнстрим, который они задают всему миру, строятся на тех же основаниях. Весь процесс информирования мировой аудитории о том, что и где →

Суверенная и более сбалансированная позиция де Голя в отношении СССР в той или иной степени сохранялась и после его ухода. И потом эта позиция была обусловлена прошлым. Мы были союзниками в обеих мировых войнах – и это накрепко сидит в памяти французов. Поэтому русофобия у нас не такая, как, скажем, в Англии и Германии

→ происходит, – это сплошь пропаганда со свойственными ей приемами передергивания и подмены фактов, их нарочито предвзятой интерпретации. Вообще выбор предметов, сюжетов, то есть повестка дня – мы говорим адженда, – самое важное. А это контролируют мировые агентства печати – здесь самые главные англосаксы – и главные редактора СМИ, которых обычно назначили олигархи или люди, связанные разными интересами или убеждениями с американо-атлантистской средой. Несомненно, тут понятие свободы информации становится относительным, так как другую информацию или ракурс невозможно нигде продвинуть, разве что в Интернете вместе с иногда не очень профессиональной информацией. Мировой аудитории через глобальные американские СМИ транслируется определенный образ России и ее лидера, и вы сами прекрасно видите, насколько эти образы далеки от действительности. Между прочим, точно так же было и при Ельцине, который был принят на Западе, но

которого представляли как полоумного пьяницу. Русофобия и тогда никуда не исчезла, она продолжала, как и в советское время, задавать тон и акценты подачи информации о России. Но при Советском Союзе русофобия рядилась в одежды антисоветизма и антикоммунизма. И мы – потомки белой эмиграции первой волны – всегда чутко улавливали разницу, где заканчивается антикоммунизм и начинается русофобия. Правда, не все эмигранты. К сожалению, и сегодня еще есть такие, кто не очень разбирается и думает, что и в современной России имеет дело с большевиками... Но всякий раз, когда мы понимали, что сталкиваемся с русофобской пропагандой, мы однозначно демонстрировали ее неприятие. Это, кстати, разительно отличало нас от послехельсинкских эмигрантов третьей волны, которые с готовностью поддакивали любым русофобским выпадам – лишь бы понравиться, лишь бы как-то встроиться в западный мир и получить хорошо оплачиваемую работу.

– Вы имеете в виду эмиграцию третьей волны во Францию?

– Да, сюда был наплыв, только часто не напрямую, а из Вены и из Израиля. Настоящих диссидентов было не так много, и среди них, конечно, встречались очень ценные люди. Но не все эмигранты этой волны оставались затем во Франции: «джинсовая интеллигенция», как мы называли вполне определенную их часть, уезжала в свою землю обетованную – Америку.

– А культурный разрыв между первой и второй волнами эмиграции был таким же ощутимым?

– Он существовал. Но тут и причина понятна: многие попадали в плен или увозились на работу в Германию еще совсем молодыми людьми, которые не успели сформироваться, осознать свою культурную идентичность. И при этом они в большинстве своем были из совершенно другой социальной среды, нежели представители белой эмиграции – дворяне или предприниматели. Кто-то из них примыкал к власовцам, чтобы просто-напросто выжить. Убежденных власовцев было не так уж и много. А вообще значительная часть власовцев впоследствии прикнула к антигитлеровским освободительным движениям. Так было в Греции и Югославии. У нас многие сражались в рядах французского Сопротивления. А вот превозносимые сейчас на Украине бандеровцы – в основном с Западной Украины – до конца служили рейху и стремились любой ценой доказать свою нужность хозяевам. У нас в провинции Дордонь – мне рассказывали люди оттуда – до сих пор вспоминают их бесчинства и то, что эти «военные с востока, но не немцы» вели себя намного хуже немцев.

– То есть, по вашему мнению, третья волна разительно отличалась от второй?

– Когда пошла третья волна, то мы сначала считали, что те, кто покинул СССР по политическим убеждениям, составляли в ней около трети. Но на самом деле диссидентов было намного меньше, а подавляющее большинство ринулось на Запад в поисках материального достатка и красивой жизни. Эти люди в массе своей к

тому же еще и не отличались высокими моральными принципами. Мы – потомки эмигрантов первой волны – сперва очень радушно их принимали, но затем раскусили. Эта «джинсовая интеллигенция», с одной стороны, обливала грязью всё русское – подчеркиваю, не советское, а именно русское, все советские пороки они выводили из якобы исторически ущербной русской натуры. А с другой стороны, они сами на каждом шагу демонстрировали собственную моральную ущербность – не брезгали даже кражей икон в наших православных храмах. Конечно, ничего, кроме презрения к себе, эти люди потом уже не вызывали. Хотя кому-то и удавалось уstraиваться штатными русофобами.

– **Вести пропагандистскую работу с советской аудиторией?**

– Да, на разных «голосах», которые вещали на СССР.

– **А разве Франция занималась этим? Из европейских стран монополистами здесь были Англия и ФРГ.**

– Франция тоже, но до известной степени. Суверенная и более сбалансированная позиция де Голя в отношении СССР в той или иной степени сохранялась и после его ухода. И потом эта позиция была обусловлена прошлым. Мы были союзниками в обеих мировых войнах – и это накрепко сидит в памяти французов. Поэтому русофобия у нас не такая, как, скажем, в упомянутых Англии и Германии. Но она присуща определенной среде – к сожалению, самой влиятельной, – и это неоспоримый факт. Но заметьте, на последних выборах из всех 11 кандидатов в президенты только двое были явными русофобами – социалист Амон и победивший в итоге Макрон. Но и то Макрону хватило прагматизма пригласить Владимира Путина в Париж еще даже до выборов в Национальное собрание. Если вернуться к тому, с чего мы начали, то одна из любимых тем наших русофобов и путинофобов – это стремление приписать Путину желание восстановить Советский Союз. Они без конца цитируют его знаменитую фразу из послания Федеральному Собранию 2005 года, в

Си Цзиньпин, Нарендра Моди и Владимир Путин на саммите G20 в Гамбурге

Я наблюдал за саммитом G20 в Гамбурге, но так и не заметил, что Путина воспринимают как изгоя. А разве Китай и Индия – это такая уж незначительная часть человечества? Конечно, Россия – европейская страна, и эти игры с санкциями вредят всем нам, европейцам

которой он назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века», но при этом игнорируют другое его высказывание: «Кто не жалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца; кто хочет воссоздать его в прежнем виде, у того нет головы». И уж совсем забывают о том, что Путин в данном случае свойственной ему ироничностью просто употребил парфраз слов Черчилля: «Кто в молодости не был социалистом – у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором – у того нет ума». А то, что в России масса проблем, – кто же с этим спорит? И то, что коррупция становится неизбежной всякий раз, когда власть в центре пытается навести порядок, – это тоже всем хорошо известно и давно описано в гоголевском «Ревизоре». Но эти проблемы должны решать сами россияне, а никак не американцы, немцы, англичане или французы. Я уже не говорю о том, что одно дело – содержательно говорить о проблемах, а совсем другое дело – использовать их в качестве своего

рода зацепок в информационной войне. Одно дело – пытаться сообща искать выход из этого многовекового коррупционного заклятия России, воспитывать новую элиту, которая не будет настолько озабоченной взиманием своей статусной ренты, а другое дело – повторять как мантру, что пока Путин у власти, никаких позитивных подвижек не дожидаться. Но кто бы это говорил? Что, неужели во Франции идеальная демократия? Разве у нас грубо не попирается мнение большинства? В 2005 году 55 процентов участвовавших в референдуме по Конституции Евросоюза высказались против. Но это не помешало Саркози через два с половиной года пойти на поводу у наших толстых кошельков и всё-таки подписать Лиссабонский договор, который по факту вводил в действие некое подобие этой несостоявшейся Конституции. Также всем ясно, что наш нынешний парламент вообще никак не представляет мнения избирателей и общества. И после этого упрекать Россию в том, что там нет демократии и ➔

США хотят продавать в Европу свои углеводороды, а тут им конкуренцию составляет Россия.

Значит, Россию надо как можно основательнее дискредитировать в глазах европейцев, привлечь их симпатии на свою сторону, внедрить в их сознание мысль, что аморально покупать углеводороды у России и вообще иметь с «этой страной» какие-либо отношения

→ всем заправляют олигархи? Или возьмем другой штамп, который активно насаждают западные СМИ: мол, Путин сейчас стал изгоем для всего цивилизованного мира, он изолирован, с ним общаются вынужденно – но при этом строго дозированно и всячески давая ему понять свое место. Я наблюдал за саммитом G20 в Гамбурге, но так и не заметил, что Путина воспринимают как изгоя. А разве Китай и Индия – это такая уж незначительная часть человечества? Конечно, Россия – европейская страна, и эти игры с

санкциями вредят всем нам, европейцам.

– Хорошо, а возможно ли в принципе превратить СМИ из инструмента пропаганды в то, чем им надлежит быть уже по одному их названию, – в институты объективного и беспристрастного информирования общества?

– Такие попытки предпринимались неоднократно в мировой практике. Инициаторами тут принято считать французских журналистов, которые в 1918 году приняли деонтологический кодекс – «Хартию

поведения». Тогда это была естественная реакция на использование СМИ именно как инструмента пропаганды во время Первой мировой войны всеми сторонами конфликта. Французские журналисты посчитали неэтичным использовать СМИ в качестве информационного оружия в мирное время. Этот деонтологический журналистский кодекс затем неоднократно пересматривался и уточнялся, он стал международным. ООН приняла ряд решений по защите представителей СМИ в горячих точках, но несколько лет назад американцы добились отмены иммунитета для журналистов в зонах военных конфликтов – теперь они рассматриваются как обычные участники противостояний, и их можно безнаказанно убивать.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее про деонтологический кодекс журналистов.

– Повторю, этот кодекс создавался для того, чтобы облегчить обществу доступ к объективной информации. Ведь если нет тако-

го доступа, то общество не может функционировать как демократическое и гражданское. То же самое можно сказать и о рыночной экономике: она эффективна только в условиях конкуренции, для которой, в свою очередь, необходима непредвзятая информация. Именно информация, а не коммуникация. Принципиально важно разделять эти два понятия – «информация» и «коммуникация». Если вы как журналист занимаетесь сбором, обработкой и трансляцией информации, то вы не знаете наперед, что именно будете писать. Если же вы работаете в пространстве коммуникаций, то вам заранее известно, какие мысли, идеи, мнения следует внедрить в умы читателей. Занимаясь передачей информации, вы обращаетесь к умам людей, к их рациональности. А все коммуникативные приемы основаны на обращении к подсознанию, к чувствам и эмоциям. А значит, чтобы воспринять информацию, человек должен быть соответствующим образом подготовленным, ему для этого требуется определенный набор знаний, опираясь на которые, он окажется в состоянии воспринять полученную информацию и составить на ее основе собственное мнение. Понятно, что для коммуникативных практик знание не просто необязательно, а даже порой вредно, ибо создает критический фон, препятствующий эмоциям возобладавать над рассудком. Поэтому нетрудно догадаться, почему сейчас повсеместно в мире снижается уровень и качество образования, дающего знания, и напротив – накачивается сфера масскультуры, рекламы, сетевой субкультуры, где главным объектом воздействия оказывается мир эмоций. Но, конечно, всё еще осложняется тем, что для подачи информации – именно информации – журналистам приходится использовать и приемы коммуникации, то есть вызывать эмоции и страсти, чтобы их читали, чтобы покупали их газеты и журналы, чтобы не переключали телевизор с их передачи на другую программу. Одна из сложностей нашей профессии – именно сохранять баланс между допустимым и искажением. Это очень трудно.

Русофобия Наполеона III (на портрете) – как, впрочем, и вся внешняя политика – была следствием его англomanии и совершенно не отвечала интересам Франции. И это несмотря на то, что в национальной памяти французов историческая обида на русских за катастрофу на Березине ничтожно мала по сравнению с многовековой обидой на извечных конкурентов-англичан

– Вы имеете в виду падение качества образования, в том числе в развитых западных государствах?

– В них в первую очередь! Например, сейчас во Франции история больше не преподается в хронологической последовательности. И многие считают, что это делается преднамеренно – чтобы дезориен-

тировать и обезличивать людей начиная с детского возраста. Более того, сама информация сейчас всё больше становится коммуникацией, так как передается и воспринимается преимущественно на чувственно-эмоциональном уровне, и платные информационные сетевые ресурсы способствуют этой мутации. Ведь если заголовок →

Уильям Квиллер-Орхардсон. Наполеон на борту «Беллерофона». Около 1880 года

Все французские партии – это преданные атлантической олигархии административные аппараты, главная задача которых – проводить нужные решения через электоральные процедуры, в том числе держать двери широко раскрытыми для американского и китайского бизнеса, не забывая при этом и особые связи с Саудовской Аравией и Катаром. И тут опять парадокс и двойные стандарты: эти государства сыграли немалую роль в распространении ваххабизма и являются врагами арабского национализма, на который опирался де Голль и который именно тормозил исламизм

→ материала не «цепляет», то никто и не захочет заплатить, чтобы прочитать его целиком, а значит, информационный бизнес просядет. Вот почему сегодня заголовки даже в весьма уважаемых информационных интернет-изданиях ничем не отличаются от развязных и крикливых анонсов соцсетей. И это оболванивание, возведенное в ранг единственной и непререкаемой информационной политики, имеет под собой понятные материальные интересы. США хотят продавать в Европу свои углеводороды, а тут им конкуренцию составляет Россия. Зна-

чит, Россию надо как можно основательнее дискредитировать в глазах европейцев, привлечь их симпатии на свою сторону, внедрить в их сознание мысль, что аморально покупать углеводороды у России и вообще иметь с «этой страной» какие-либо отношения. Последние санкции США против России просто явно направлены на то, чтобы заставить европейцев покупать американский сланцевый газ. Смотрите, как Трамп «переключил» Польшу на американские углеводороды с дальнейшим прицелом на Румынию, Болгарию и даже Прибалтику и Молдавию.

В этом проекте кроме коммерческой имеется еще и явная политическая составляющая – создать таки наконец то самое «Междуморье», о котором мечтают польские ультранационалисты и которое нужно американцам в качестве буфера между Западной и Центральной Европой, с одной стороны, и частью Восточной Европы, то есть Россией, – с другой. В скобках обозначу еще один пример двойных стандартов западных политиков. Европейцы по экологическим соображениям выступают против добычи сланцевого газа, сочувствуют американцам, у которых из-за скважин возникли серьезные проблемы с питьевой водой. И в Европе разработки сланцевого газа запрещены, несмотря на, казалось бы, очевидную экономическую выгоду от его получения. А вот у американцев все готовы покупать сланцевый газ, закрывая глаза на вред для экологии!.. Американцы опасаются возникновения в Европе любых альянсов с участием России. Больше всего они боятся сближения Германии и России. Поэтому США всячески поддерживают русофобские настроения в так называемой Новой Европе и,

как я уже сказал, пытаются превратить ее в «Санитарный кордон-2». Хотя та же Прибалтика должна быть благодарна именно России за бескровное обретение суверенитета в 1991 году. Но вот только на пользу ли это пошло самой Прибалтике? Половина ее населения за постсоветские годы эмигрировала на Запад в поисках хотя бы каких-то перспектив. И это не блажь: экономика Евросоюза – кроме Германии – ориентирована не на реальные отрасли, а на финансовую сферу, поэтому деиндустриализация происходит и во Франции, которая является несопоставимо более развитой, нежели Прибалтика.

– Как вы сказали, хотя русофобия во Франции слабее, чем в Англии и Германии, она всё же имеет место. Какой у нее исторический «стаж»? Можно ли считать, что ее родоначальником стал Наполеон III – идеолог Крымской войны именно как показательного наказания России силами объединенной Европы и покровитель польской антироссийской эмиграции?

– Думаю, что русофобия во Франции появилась намного раньше. В прошлом году в России вышел перевод книги швейцарского автора Ги Меттана «Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Почему мы так любим ненавидеть Россию?» Так что русофобия во Франции началась не с Наполеона III, а с Карла Великого. Но и Наполеона III можно воспринимать как знаковую и рубежную фигуру в этом отношении. Его русофобия – как, впрочем, и вся внешняя политика – была следствием его англомании и совершенно не отвечала интересам Франции. И это несмотря на то, что в национальной памяти французов историческая обида на русских за катастрофу на Березине ничтожно мала по сравнению с многовековой обидой на извечных конкурентов-англичан. Потому-то в эпоху Третьей республики настолько естественно и органично сложился русско-французский союз.

– Любопытно, что уже в советское время носителями русофобской идеологии во Фран-

В центре – лидер Национального фронта Марин Ле Пен

Логика предвыборной кампании была проста: максимально накачать негативный образ Национального фронта, предельно его демонизировать, чтобы потом – на фоне этой впечатляющей электоральной драматургии – провести нужного кандидата, который к тому же еще будет выглядеть и консенсусной фигурой, объединяющей все, так сказать, «здоровые силы»

ции были в основном левые – несмотря на, казалось бы, социалистическую природу СССР.

– Тут не всё так просто. Левая традиция во Франции имеет давнюю историю. И нужно различать наших левых: коммунисты – это одно, а социалисты – совсем другое. Коммунисты симпатизировали Советскому Союзу – да и то тут не всегда всё было гладко и однозначно. Скажем, Морис Торез и Жорж Марше заметно отличались друг от друга, в Советском Союзе это хорошо понимали и делали соответствующие выводы. А что уж на этом фоне говорить про социалистов! Социалисты всегда выступали жесткими и непримиримыми оппонентами коммунистов внутри Франции и, соответственно, неизбежно оказывались в числе критиков СССР. После войны американцы стали активно опекать французских социалистов, особенно после того, как проевропейски настроенный

де Голль пришел к власти и учредил Пятую республику. Бывший премьер Четвертой республики социалист Ги Молле был одним из наиболее непримиримых критиков конституционной реформы де Голля. Я думаю, что определенную роль в накачивании русофобии французских социалистов сыграла и часть масонства – еще с XIX века левые активно вступали в ложи и налаживали там политические межпартийные связи. Кстати, англомания Наполеона III тоже имела под собой во многом масонскую подоплеку.

– Наполеон III был масоном?

– Я не знаю, состоял ли он сам в масонстве, но в его окружении масоны занимали очень влиятельные позиции.

– Странно. По общепринятому мнению, расцвет французского масонства начался как раз после падения Второй империи – с утверждением Третьей республики. →

→ – Расцвет – возможно. Но еще раз повторю: его плотно окружали масоны – достаточно посмотреть персоналии. К тому же при Наполеоне III была проведена масштабная реконструкция Парижа: трущобы, известные нам по знаменитому фильму «Парижские тайны» с участием Жана Маре, были уничтожены. Естественно, не по моральным соображениям, а ради обеспечения безопасности режима: на узких улочках было очень удобно соорудить баррикады. Эта реконструкция потребовала колоссальных инвестиций, в нее как раз и вложились крупные английские предприниматели. Так что связи с англичанами у Наполеона III были очень прочными. Неспроста ведь он после своего низложения жил и скончался именно в Англии.

– А чем подогревается сегодняшняя французская русофобия?

– Главным образом незнанием и непониманием России, каких-то специфических черт национального поведения россиян. Но важно другое – такие незнание и непонимание всячески поощряются теми, кто заправляет медийной политикой. У нас не принято посылать в Россию корреспондентов, которые обладают хотя бы каким-то знанием страны: считается, что они будут передавать необъективную информацию – слишком доброжелательную в отношении России и слишком непонятную для среднестатистического французского обывателя. Поэтому посылают либо абсолютных дилетантов в российских реалиях, либо уже сформировавшихся русофобов. У нас есть пул экспертов по России, которые допущены до французских СМИ, среди них немало и русских, но все они выступают в одном ключе – резко критически – и различаются лишь по степени своей русофобии. Правда, иногда допускают и сторонников хороших отношений между Францией и Россией – например, меня. Но после каждого такого выступления на меня сыплетесь шквал обвинений: дескать, де Кошко – путинский агент, штатный пропа-

гандист. Ни тем ни другим я – наверное, к сожалению, – не являюсь. И так со всяким, кто высказывает мнение, не согласующееся с информационным мейнстримом, определяемым американцами и их европейскими единомышленниками. Французские СМИ находятся в руках атлантистской

В политических кругах Макрона (на фото) в шутку прозвали Дитя Века. Это игра слов с отсылкой к ежемесячной неформальной встрече французских олигархов, крупных политиков и ведущих журналистов в отеле «Крийон» на площади Согласия, рядом с резиденцией американского посла

олигархии. Причем прежние привычные идеологические размежевания по партиям сейчас не играют никакой роли. Социалист Оланд проводил откровенно правую политику. Его вообще можно назвать самым атлантистским из всех французских лидеров. Он был неплохим аппаратчиком, занимался интригами в своей Соцпартии. Но у него не было стратегического политического проекта для Франции, кроме вассальной зависимости от НАТО. Потому-то Миттеран и не давал ему никакого министерства. Уже будучи депутатом Национального собрания, он стал участвовать в американской программе «Молодые лидеры». Этот атлантизм у социалистов, как я сказал, еще с Ги Молле. И всё это время социалисты проводили правую политику. Да сейчас вообще партии – это по

преимуществу административные машины, идеологии тут никакой нет уже давно. Потребность в идеологии, вкус к идеологии сохранили единицы. Например, Жан-Люк Меланшон вышел из Соцпартии, несмотря на карьерные перспективы, потому что он действительно левый по своим убеждениям и потому что он интеллектуал. Яркий интеллектуал и Жан-Пьер Шевенман. В России вышла его книга «1914–2014. Европа выходит из истории?» Они действительно достойные политики, и оба считают, что сегодня главное – это обеспечение суверенитета Франции. Но это исключения из правила. Тенденция же сейчас однозначная: все

французские партии – это преданные атлантистской олигархии административные аппараты, главная задача которых – проводить нужные решения через электро-ральные процедуры, в том числе держать двери широко открытыми для американского и китайского бизнеса, не забывая при этом и особые связи с Саудовской Аравией и Катаром. И тут опять парадокс и двойные стандарты: эти государства сыграли немалую роль в распространении ваххабизма и являются врагами арабского национализма, на который опирался де Голль и который именно тормозил ислаимзм.

– Правильно ли я понял вашу мысль, что в настоящее время вместо прежних идеологических разделений главное размежевание французской политической элиты проходит по вопросу о суверенитете страны?

– Совершенно верно. И отношение к России напрямую определяется тем, как решается этот центральный вопрос. Те, кто мыслит стратегически и во главу угла ставит не атлантистские, а национальные интересы, – за союз или, во всяком случае, за хорошие отношения с Россией. Но эти силы ужасно разрозненны. К тому же по-прежнему немаловажное значение имеют и партийные ярлыки: например, после общения с ультраправыми трудно найти общий язык с левыми.

– Мы вплотную подошли к большому вопросу о недавних президентских выборах во Франции. Как вы прокомментируете и предвыборные расклады, и итог кампании?

– Логика была простая: максимально накачать негативный образ Национального фронта, предельно его демонизировать, чтобы потом – на фоне этой впечатляющей электоральной драматургии – провести нужного кандидата, который к тому же еще будет выглядеть и консенсусной фигурой, объединяющей все, так сказать, «здоровые силы». То есть повторяется сценарий, когда соревновались Ширак с Ле Пеном. Вот почему Национальный фронт получил такую медийную раскрутку. Та же

схема использовалась при де Голле против коммунистов, а после него – против левых. Миттеран после распада Советского Союза перевернул эту схему – теперь против правых.

– Если Марин Ле Пен – всего лишь электоральный проект и не более того, то зачем с ней встречался Владимир Путин 24 марта?

– Марин Ле Пен представляет интересы небогатой части населения, которая страдает от безработицы и от конкуренции со стороны иммигрантов. Причем это именно та часть населения, которая больше всего проникнута чувствами и ценностями патриотизма по экономическим причинам – потому что в нее входят много мелких предпринимателей и производителей, которые в первую очередь испытывают на себе все негативные последствия любых социальных неурядиц. Ну и потому что, как говорил Жан Жорес, единственное богатство у бедных – это родина. Поэтому обвинения Национального фронта в фашизме несправедливы, несмотря на то, что среди его членов были и есть фашисты. Фашизм возник тогда, когда классовая борьба была довольно острой и требовалось с

его помощью оторвать рабочие массы от социализма. Сейчас во Франции рабочее и – шире – народное движения в полном упадке, поэтому в фашизме нет объективной необходимости. Так что олигархическая элита рассматривала Марин Ле Пен как всего лишь спарринг-партнера той фи-

Саркози (на фото) – это совершенно беспринципный политик, без какой бы то ни было идеологии. И, видимо, его беспринципность стала уже вопиющей и бросающейся в глаза на фоне беспринципности других. Когда он призывал к нормализации отношений с Россией, он просто хотел забрать себе голоса всех тех, кого волнует проблема суверенитета Франции

гтуры, которую предстояло вывести в победители. В противном случае она вряд ли получила бы такую поддержку в СМИ. Из нее делали чучело, чтобы обыватели смотрели, боялись и в итоге проголосовали за того, за кого нужно. И как показала президентская кампания, нужная фигура оказалась даже не из какой-то партии с политическим стажем, а из новообразованной партии «Вперед, Республика!» Вот вам убедительное доказательство того, что партии в классическом смысле этого понятия –

именно как субъекты политической борьбы – уже более не существуют. Люди, за редким исключением, идут в партии на работу, а не по убеждению. Было 19 тысяч кандидатов на место кандидата от новой партии Эммануэля Макрона, потому что знали, что он должен выиграть и что шансы для

новых проходимцев есть, так как аппарат партии еще новый. Но на этот раз кандидат был выбран не партией, а непосредственно олигархией с одобрения Вашингтона. Саркози и Олланда выбирали так же, но хотя бы для видимости делали это через соответствующую партию. В политических кругах Макрона в шутку прозвали Дитя Века. Это игра слов с отсылкой к ежемесячной неформальной встрече

французских олигархов, крупных политиков и ведущих журналистов в отеле «Крийон» на площади Согласия, рядом с резиденцией американского посла.

– Какие другие проходные фигуры рассматривались?

– Одно время говорили о выходе во второй тур Ле Пен и Саркози. Однако не было уверенности в том, что Саркози сможет так же уверенно переиграть Ле Пен, как Ширак – ее отца. Довольно серьезно воспринимался и вариант Жюппе – за ним стояли американцы и арабы Залива. Это умный политик, но однозначно ставленник олигархии, несмотря на то, что во время своего премьерства при Шираке он регулярно апеллировал к голлизму. Во время коррупционного скандала в середине нулевых он закрыл собой Ширака и был осужден за незаконное субсидирование за государственный счет партии «Объединение в поддержку республики». После этого – чтобы на какое-то время исчезнуть из публичного пространства – он читал лекции в Монреале. Я его хорошо помню, когда он работал в парижской мэрии под началом Ширака. Однако слабым местом Жюппе, как я уже сказал, ➔

Пригороды Парижа уже превратились в самые настоящие гетто, где некоторые из мигрантов промышляют торговлей наркотиками и крадеными автомобильными запчастями. Это серая экономика, порожденная безработицей. Много молодых людей вовлечены в нее

→ была его зависимость от американцев и арабов. Поэтому у него вряд ли получилось бы понравиться одновременно и Израилю, и арабским монархам. Но главное – у Жюппе уже не было собственного партийного аппарата, который у него перехватил Саркози после коррупционного скандала. Да и потом – при всей очевидной инфляции идеологических различий, о чем я уже говорил, – Жюппе занял априорно проигрышную в наших условиях центристскую позицию. Единственный раз – на президентских выборах 1965 года – центрист Леканюэ сумел в первом туре занять третье место после де Голя и Миттеррана и получить 15% лишним процентов голосов. Это самый высокий показатель у центристов, такого больше не было, потому что правые обычно голосуют направо, левые – налево, и центристам ничего не остается. Собственно, так и получилось: он проиграл праймериз Фийону, которого уж никак не назовешь центристом. Правда, на этот раз и Макрон сыграл якобы в центре. В этом ему помог Байру – центрист из правых, который уже стареет и не мог пропустить ока-

зию, которую ему давал Макрон. – **Фийон обошел на праймериз и Саркози, взяв тем самым реванш за умаление последним роли премьера и фактическую передачу функции управления правительством в руки президентской администрации. Фийон как премьер тогда, конечно, натерпелся.**

– Ну, Саркози – это совершенно беспринципный политик, без какой бы то ни было идеологии. И, видимо, его беспринципность стала уже вопиющей и бросающейся в глаза на фоне беспринципности других. Когда он призывал к нормализации отношений с Россией, он просто хотел забрать себе голоса всех тех, кого волнует проблема суверенитета Франции. Как я уже сказал, обеспокоенные перманентными нарушениями суверенитета страны со стороны атлантистов расположены к России. Поэтому здесь для Саркози был чистый расчет – и не более того. – **И почему в итоге победил Макрон?**

– Я уже сказал, кто и как выбрал Макрона. СМИ его поддерживали просто до неприличия, устроили ему мощнейшую пиар-кампанию. Причем правые голосовали

за Макрона, ибо были уверены в том, что он правый, социалисты – так как посчитали его более или менее левым – всё-таки он был министром и советником у Олланда, – а все остальные – потому что их убедили: мол, вот человек новый, беспартийный. А так как политические партии за последние годы были очень сильно дискредитированы, то те, кто не хотел голосовать за Ле Пен, проголосовали за Макрона. Конечно, не надо забывать и о крайне низкой явке на избирательные участки, и то, что неопределенность программы позволяет Макрону делать то, что он захочет. Точнее, то что ему будет дозволено его покровителями. Хотя такое положение может и поменяться: Макрон – прагматик с сильно развитым нарциссизмом. Но его очевидная слабость в том, что многие из тех, кто отдал ему свой голос, на самом деле голосовал не за него, а против кого-то – как правило, против Ле Пен, но не только против нее. К тому же за него реально проголосовали только 50% избирателей, а для президентских выборов такой показатель явно недостаточен.

– **Сегодня во Франции одна из самых острых проблем – это мигранты. Такое впечатление, что власти делают всё для того, чтобы подчинить ценности и культурный мир коренных французов поведенческим привычкам мигрантов.**

– Это совершенно осознанная политика. Наплыв мигрантов – колоссальный: порядка 40 тысяч ежемесячно в ЕС, а летом еще больше. Но это общая статистика Евросоюза, а значительный поток мигрантов идет именно во Францию. Многие из них хотят попасть в Англию и оседают на севере страны – в Кале, в так называемой Джунгли, которую периодически разрушают. Наше общественное мнение накалено, но задействованы колоссальные пропагандистские мощности, чтобы убедить французов принять ситуацию как данность и не противиться ей. А между тем пригороды Парижа уже превратились в самые настоящие гетто, где некоторые из мигрантов промышляют торговлей наркотиками и краде-

Моя семья относилась к потомкам белых эмигрантов. Точнее, конечно, не белогвардейцев, а представителей новой российской бюрократии, выдвинувшейся при Столыпине, – специалистов-технократов. Мой прадед – Иван Францевич Кошко (на фото) – был сначала пензенским, а затем пермским губернатором

ными автомобильными запчастями. Это серая экономика, порожденная безработицей. Много молодых людей вовлечены в нее. Милые парижане более зажиточных районов – которые охотно выступают против «расизма» и за «толерантность» к мигрантам – уже считают, что небезопасно оказаться в этих местах. И действительно, в некоторых местах столичная золотая молодежь, которая приезжает в пригороды покупать наркотики, подвергается нападению со стороны обитателей этих гетто, у нее отбирают деньги и купленные наркотики. Происходят и криминальные разборки между оптовиками и торговцами в розницу, случаются разбойные нападения на местных жителей или случайно оказавшихся в этих районах. Но если этот криминальный бизнес прикрыть, то эти безработные моло-

дые мигранты, которые привыкли к неплохим доходам от серой экономики, начнут терроризировать и обкрадывать уже непосредственно жителей этих пригородов, в которых всё острее и острее встает вопрос о качестве образования и воспитания. Дети избирателей Макрона не ходят в государственные школы в этих пригородах, а у детей избирателей Ле Пен выбора нет.

– Скажите, пожалуйста, несколько слов о себе. Вы – потомок древнего боярского рода, ведущего свою историю от Фёдора Кошки, сына боярина Андрея Кобылы, служившего Ивану Калите и Семёну Гордому. Из этого рода – через Фёдора Никитича Романова, ставшего патриархом Филаретом, – вышла последняя царская династия. После революции ваши родственники оказались в эмигра-

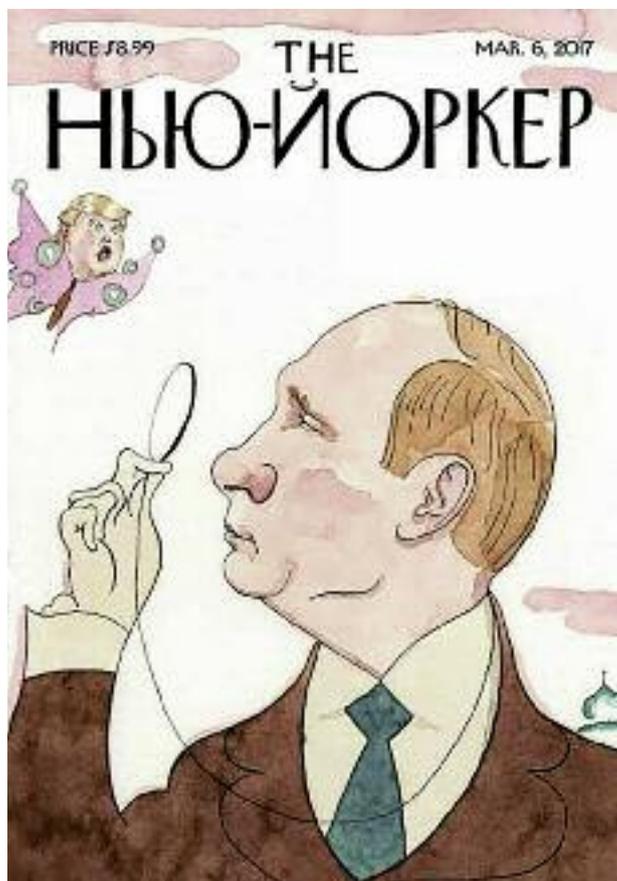
Младший брат моего прадеда – Аркадий Францевич (на фото) – известный криминалист, возглавлял уголовный розыск Российской империи

ции, вы уже родились во Франции. И вместе с тем у вас прекрасный русский язык. Это заслуга ваших родителей?

– Скорее бабушек. Обе мои бабушки были живы, когда я родился, и они со мной разговаривали по-русски. Да и родители в основном общались в русской среде – с представителями первой эмиграции. Еще совсем маленьким я застал живыми известных деятелей революционного движения Чернова и Церетели, а в студенческие годы – и представителей анархистов и даже коммунистов. Вообще эта первая эмиграция была довольно пестрой: она объединила людей с разным политическим прошлым, которые до эмиграции находились по разные стороны баррикад. Здесь были и монархисты, и либералы, и революционеры. Помню бывших петлюровцев – один из них чинил ➔

→ мне велосипед и подарил шкатулку с трезубцем. Были представители национальных движений – армяне, грузины. Застал я и махновцев. Словом, белая эмиграция на самом деле была далеко не только белой. Хотя моя семья относилась к потомкам именно белых эмигрантов. Точнее, конечно, не белогвардейцев, а представителей новой российской бюрократии, выдвинувшейся при Столыпине, – специалистов-технократов. Мой прадед – Иван Францевич Кошко – был сначала пензенским, а затем пермским губернатором. Его младший брат – Аркадий Францевич – известный криминалист, возглавлял уголовный розыск Российской империи. Курьезно, но факт: мои здешние злопыхатели, которые никак не могут смириться с той позицией, которую я отстаиваю во французских СМИ, пытаются доказать мои связи с российскими спецслужбами тем, что я – правнук Аркадия Францевича: он – отец моего дедушки, а Иван Францевич – моей бабушки. И в этом – в лучших сталинских традициях признания виновным за «прегрешения» предков – меня обвиняла газета Libération. – **От вашей родословной мы снова перешли к информационной войне...** – А куда от нее денешься? Мы живем в реалиях тотальной и непрекращающейся информационной войны атлантистов против России. Всё, что говорят представители России, – это всегда под вопросом. И даже преподносится соответствующим образом: дескать, русские утверждают. Про американцев же говорится совсем иначе: тот или иной представитель Госдепа объяснил, разъяснил и так далее. Вот она, информационная война, – на уровне слов и терминов, чтобы эффективнее внедрять в сознание требующиеся взгляды, мнения, смыслы. Эффективная информация никому не

нужна – нужна правильно преподнесенная информация, ее источник неважен – хотя бы даже чей-то фейсбук. Вот, например, тоже распространенный прием: слить псевдоинформацию какому-нибудь СМИ и потом повторять ее до тех пор, пока она не превратится в непререкаемую истину. Это

Смотрите, как сегодня используются The Washington Post и The New York Times в раздуваемой кампании о якобы имевшем место влиянии России на исход американских выборов. Какая глупость! Что, за каждым американским избирателем стоял русский?

методика Геббельса, которая взята на вооружение американцами. Вспомните, как начиналась кампания о фейковом оружии массового поражения Саддама Хусейна в The Wall Street Journal. Смотрите, как сегодня используются The Washington Post и The New York

Times в раздуваемой кампании о якобы имевшем место влиянии России на исход американских выборов. Какая глупость! Что, за каждым американским избирателем стоял русский? А всё же повторяют, пишут как о чем-то истинном и доказанном и – в соответствии с этим геббельсовским приемом – строят на таких воспроизводимых с высокой частотой утверждениях всё новые и новые выводы. У вас в России на телевидении, в многочисленных ток-шоу идут дебаты, высказываются противоположные мнения. Да, конечно, возможно, мелькающие там время от времени агрессивные бандеровцы или поляки-русофобы – это подсадные утки, но они отстаивают определенные отличные от преобладающих в российском обществе мнения, и диалог происходит – хотя бы так. Правда, как правило, слишком шумно и слишком часто, на мой взгляд. А здесь – нет. Одни и те же говорят одно и то же, и французские телезрители не имеют даже видимого выбора из различных точек зрения. Везде и без перерыва: «Путин – агрессор», «Путин напал на Украину», «Путин представляет опасность для Европы». И эта беспробудная русофобия проявляется не только в политике, но и в экономике. Когда несколько лет назад Mittal приобретала активы Arcelor, она наняла специальное пиар-агентство, которое распространяло информацию, что ее конкурент – «Северсталь» – это мафиозная и бандитская структура. Зачем это делалось – понятно: надо было быстро и по дешевке заполучить интересный для Mittal концерн Arcelor. И она выиграла, но против интересов Франции и рабочих Arcelor. У «Северстали» был промышленный проект, который гарантировал рабочие места – потому что это было нужно «Северстали». А у Mittal был финансовый проект, и надо было выжать из приобре-

таемых активов по максимуму, а затем просто уволить рабочих.

– Но ведь подобные приемы из арсенала большого бизнеса внешне национальны и используются не только против России и ее интересов.

– Да, это так. Какие грязные ухищрения были предприняты, чтобы продать нашу стратегическую компанию Alstom американцам! И почему-то нет ни одного журналистского расследования этой сделки. О каком суверенитете Франции можно после этого говорить – его и близко нет, атлантисты всё прибрали к своим рукам и, чтобы еще больше ослабить французскую идентичность, жестко насаждают эту опостылевшую всем политкорректность. Подумайте только, христианская реклама в метро – это, оказывается, неполиткорректно, а поздравления с Рамаданом – совершенно естественно и нормально. Наши министры ездят на ифтар в мечети, причем они не являются мусульманами. Видимо, они раздражают американскому послу, который регулярно объезжает французские пригороды, где проживают мигранты-мусульмане. Американцы всячески поддерживают мигрантские общественные организации, громко кричат о правах мигрантов и о недопущении ксенофобии. И даже инструктируют лидеров мигрантских общин, как противодействовать якобы неправомерным и незаконным акциям французской полиции. Вы только представьте себе: американцы учат мигрантов, как им сопротивляться французской полиции, в то время как в США сколько темнокожих американцев были убиты полицейскими, действовавшими якобы в полном соответствии с инструкциями о применении оружия!

– Вы – один из создателей франкоязычного сайта «Стоп, русофобия!» Но это вы и ваши единомышленники-французы. А насколько слышны во Франции голоса российских СМИ? – К сожалению, не очень слышны. RT – самый мощный и раскрученный российский ресурс инновационного вещания – сделан с расчетом на американский вкус и на американскую манеру подачи и восприятия

О каком суверенитете Франции можно говорить – его и близко нет, атлантисты всё прибрали к своим рукам и, чтобы еще больше ослабить французскую идентичность, жестко насаждают эту опостылевшую всем политкорректность. Христианская реклама в метро – это, оказывается, неполиткорректно, а поздравления с Рамаданом (на фото) – совершенно естественно и нормально

новостной информации. А у французов своя манера, поэтому у нас популярность RT не такая, какой могла бы быть при адресной работе с нашей зрительской аудиторией. Началось вещание RT во французском сегменте Интернета, но если бы не Макрон с его нападками на RT и Sputnik, то мало кто вообще бы знал об этих передачах. Я и сам не знал! И это неправильно, потому что практически вся Африка выпадает из аудитории RT. И по интенсивности, и по мощи воздействия российские СМИ явно уступают американским, что понятно, если вспомнить, какие колоссальные средства тратят США на проведение информационной политики, отражающей их интересы. Там работает целая информационная индустрия. С российской стороны тоже бывают удачные акции, но это происходит от случая к случаю и делается, как правило, талантливыми журналистами типа корреспондентки RT Гаяне Чичакян. Ее виртуозные вопросы на брифингах в Госдепе вызывают восхищение. Но, увы, как индустрии, как системы российского присутствия в информационном пространстве Запада вообще и

Франции в частности нет. Такое присутствие не выстраивается одиночками. На информационной войне всё точно так же, как и на войне настоящей, – подвиги одиночек не заменят четкой и слаженной работы всей армейской машины целиком.

– Дмитрий Борисович, спасибо вам за интересное и содержательное интервью. Природа массовых фобий, влияние этих фобий на образы национальных идентичностей, конфликты таких идентичностей, а также целенаправленное формирование стереотипов для их употребления в технологиях информационного воздействия – всё это имеет непосредственное отношение к той тематике, которой посвящен журнал Focus, а именно, к коммуникациям и конфликтам цивилизаций. Вы многое сказали о морфологии такой давней, со стажем болезни западной цивилизации, как русофобия. И чем больше будет подобного рода откровенных и объективных диагнозов, тем скорее эта болезнь может быть излечена. Во всяком случае, хотелось бы надеяться именно на благоприятный исход этой болезни. ☐